

Глава 1

Около семи часов вечера умопомрачительно красивая женщина, одетая необычайно стильно и элегантно, вышла на окраине столицы Беовульфа со станции магнитоплана и решительным шагом направилась к ресторанчику за углом.

Вообще-то таких элегантных и симпатичных девушек богатые мужчины обычно не выпускают без вооруженного сопровождения из своих шикарных глiders. Но сногшибательной энергичной дамочке на отсутствие спутника с разрядником под полой, похоже, было совершенно плевать, постоять за себя она определенно умела. Да и что могло грозить ей на широкой улице мирной богатой планеты?

Вот только женщина двинулась не к главному входу ресторанчика, а, обогнув здание, нырнула в подворотню, которая вела к черному ходу. И вот здесь-то ее и могли поджидать всякие неприятности.

И они, разумеется, уже поджидали. В свободных демократических мирах в отличие от стремящихся к порядку тоталитарных неприятности поджидают на каждом шагу.

Три живописных мордворота, судя по всему упоротые в хлам наркоманы, без излишней спешки очищали в подворотне карманы пойманного случайного прохожего от ненужной чепухи: денег, карточек, коммуникатора. Пойманный стоял смиренно, стараясь ничем не разозлить бандитов, — вставал, куда говорили, послушно поворачивался другим карманом, когда поступало распоряжение. Ни о каком сопротивлении, разумеется, и речи быть не могло: не дай боже ограбленный в процессе сопротивления нанес бы какой-нибудь ущерб обдолбанным криминальным согражданам, тогда полиция живо посадила бы его за преступление против личности.

И в общем-то его нежелание вступать в драку можно было понять и без возможной уголовной ответственности: все трое бандитов были серьезно вооружены.

У типа с разноцветным двухэтажным ирокезом на голове и одетого в кожаную куртку, который флегматично обшаривал со спины карманы жертвы, болтался на поясе кривой мясницкий тесак, которым очень удобно дробить мелкие кости. Один удар такого тесака может снести человеку голову с плеч, а пара ударов — отрубить берцовую кость. Противоречить бандиту с мясницким ножом очень, очень не рекомендуется.

Тот, что стоял прямо перед ограбляемым, абсолютно лысый, но с длинной неухоженной

бородой, в пестрой дутой куртке, задумчиво похлопывал себя по ладони большим металлическим инструментом, который походил на рыцарский клевец или горный альпеншток: кривой, напоминающий клюв кусок металла на длинной прямой ручке. Дабы, так сказать, оказать на жертву максимальное психологическое воздействие.

Правда, у альпенштока обычно не бывает жутких кривых зубьев, загнутых назад, как у щуки или крокодила. Если таким варварским инструментом пробить доспехи, а потом рвануть на себя, то клюв потащит за собой внутренности, как рыболовный крючок. Наверняка клевцы наподобие этого были запрещены в Средние века наравне с изогнутым «пламенным клинком», который причинял страшные рваные, плохо заживающие раны, — как оружие совершенно бесчеловечное. Впрочем, для устрашающего психологического воздействия подобное было только в плюс.

Третий, стоявший сбоку от жертвы, чернокожий, с длинными волосами и в армейской куртке, был вооружен двумя огромными крюками, на какие подвешивают на бойне коровьи туши после свежевания. Если бы господину униженному пришло в голову протестовать, громила одним движением мог воткнуть ему крюк в почку, а следующим движением вырвать из его тела солидный кусок мяса.

У грабителей-наркоманов не было ни плазметов, ни разрядников, в отличие от их коллег из Соединенных Миров. Все же приходилось признать, что на немецком Беовульфе, где огнестрельное оружие было категорически запрещено для штатских, полиция нещадно карала за любой обнаруженный огнестрел. Так что местные хичеры носить его опасались.

Зато за холодное оружие наказывали гораздо мягче, поэтому наркоманы не стеснялись таскать при себе самые причудливые и жуткие рукопашные девайсы. В случае чего бандиты за просто могли отмазаться: это современные копии древних музейных артефактов и вообще детали национального костюма. Где написано, что нельзя носить с собой музейные предметы или мясницкое оборудование, гражданин начальник?! Это не запрещено, а значит, разрешено.

Мазнув взглядом по живописной группе, дама равнодушно прошла мимо. Происходило бы дело в Российской империи, она обязательно вмешалась бы. Там и закон не выгибался так причудливо, а однозначно трактовал ситуацию в пользу потерпевшего и его добровольного помощника.

Но сейчас действие происходило на демократической территории, где преступник и его жертва имеют абсолютно равные права, так что загреметь в тюрьму могли и ограбленный,

и тот, кто поможет ему отбиться от обнаглевших подонков.

Кроме того, и происходило это действие явно между местными. А немецкие обыватели либо сами голосовали за гуманизм по отношению к наркоманам, бомжам, маньякам и диким беженцам со взглядами времен каменного века, либо молча одобряли такую политику, так что с ее результатами пусть разбираются сами. У девушки сейчас имелись дела поважнее.

Однако наркоману с ирокезом хотелось не только денег, но и развлечений. Поэтому, когда дама проходила мимо, он произнес игривым тоном, как настоящий гуру пикапа, которым наверняка себя считал:

— Эй, подруга! Мне кажется, нам с тобой по пути!

— Не думаю, — ответила девушка, даже не замедлив шага. — Я ведь не иду на хрен.

— А ну, стоять, телка! — по-хозяйски распорядился ей в спину оскорбленный забулдыга. — Что-то ты разговорчива не в меру, как я полагаю!

— Стоять мне некогда, — на ходу бросила она за спину. — Можешь попробовать догнать, если у тебя ко мне срочное дело, а не просто захотелось потрепаться.

— Ах ты, дрянь! — окончательно рассвирепел хичер-панк. — А ну, стой, сука!

На сей раз дамочка послушно притормозила.

— Воспитанные мальчишки не говорят девушкам «дрянь» и «сука», — пояснила она вразвалку приближающемуся оппоненту. — А невоспитанных следует воспитывать. По мере сил учить правильному поведению.

— Я тебя сейчас по мере сил вгоню в грунт по самые уши, паскуда! — взревел панк в кожаной куртке, вытаскивая из-за пояса мясницкий тесак. — А ну-ка, повернись, б...

Бандит с ирокезом попытался схватить дамочку в охапку и развернуть ее к себе, но внезапно потерял ее из виду, а затем с изумлением почувствовал, что инерция предыдущего движения неожиданно в разы усилилась и тащит его за собой. Изумленный хичер проглотил вторую часть слова, которую собирался изрыгнуть, независимо от своего желания набрал скорость, перекувыркнулся через голову и с грохотом снес стоявшие у стены мусорные баки, вписавшись в них со всей дури и примяв грязными стенками баков свой ирокез.

Оставалось только понять, как это ему удалось. Но у лежащего на асфальте бедолаги, оглушенного головокружительным переворотом вокруг своей оси, стремительным падением и ударной дозой наркотика, не было никаких подходящих версий. Пора сокращать привычную ежедневную порцию, честное слово, а то уже ноги заплетаются...

Оставшиеся двое подняли головы и угрюмо уставились на странную девушку.

— Он споткнулся, — любезно пояснила дамочка, с интересом разглядывая противников. — Всеми копытами. Кто-нибудь еще хочет попробовать комиссарского тела?

— Ты че, комиссар? — с недоумением поднял бровь лысый бородач с альпенштоком.

— Пока инспектор, — хмыкнула девушка. — Но уже скоро, скоро. Приказ уже на подписании у руководства.

— Вот что я тебе скажу, инспектор, — хрипло проговорил чернокожий в армейской куртке, — это не твое собачье дело. Вали-ка себе куда шла, дура.

— Не, — возразила дамочка, — мне уже вожжа под хвост попала — раз-з-зорвать мою задницу! Не хрена было меня трогать. Я ведь вас сначала пощадить хотела. Теперь-то уже поздно — теперь это мое собачье дело.

Поверженный громила выбрался из поваленных мусорных баков и, шмыгнув носом, обиженным буром попер на девушку: кажется, до него дошло наконец, из-за чего он оказался на асфальте. Бросив жертву ограбления, двое остальных, которые уже сориентировались в происходящем, поддержали атакующего с двух сторон — с крюками и клевцом наперевес.

— Три, — равнодушно сказала девушка, не двигаясь с места, — мое любимое число. Спар-

ринг чаще всего хорош, когда выходишь сразу против троих вооруженных, но неумелых противников. Больше — многовато для тренировки, могут зацепить чем-нибудь, меньше — скучно...

Не дав ей договорить, они одновременно и жестоко обрушили на нее свое оружие, не делая скидки на то, что им противостоит женщина. Однако ни один удар не достиг цели: она уклонялась от них легко и изящно, как умелый танцор. Зазубренный клюв клевца распорол воздух рядом с ее виском, но дамочка безмятежно убрала голову, даже не дрогнув перед опасной близостью такой чудовищной кучи металла.

Впрочем, ей быстро пришлось признать, что пестрых, как попугаи, противников она немало недооценила.

Тип с разноцветным ирокезом и мясницким ножом действительно был неважным поединщиком: максимум, что он знал, — это несколько приемов абордажного боя да пару ката из какой-то экзотической боевой системы, причем столь причудливых и малоэффективных, что девушка ничуть не удивилась бы, узнав, что он придумал их сам.

— Слишком разбрасываешься, — сжалилась она, не переставая сосредоточенно отбиваться от противников, — делаешь много необязательных движений. Береги дыхание, приятель.

— Ах ты, гни-и-и-ида! — яростно взревел ирокез, ускоряясь. — Ноги ты сегодня свести уже

не сможешь, сучка, после того как я пх-х-хк-к-к-кх... — Он мучительно закашлялся, словно курильщик со стажем, окончательно сорвав дыхание, и девушка коротко удовлетворенно кивнула.

А вот длинноволосый негр в камуфляже и с мясницкими крюками был натренирован лучше. Его познания в рукопашном бое, конечно, были отрывочными и хаотичными, но их уже хватало, чтобы превратить парня в довольно серьезную боевую единицу, даже способную поцарапать мастера, если тот невзначай отвлечется.

Впрочем, дама довольно быстро сумела вывернуть из клешни волосатого один из крюков, но во второй тот вцепился, как утопающий в соломинку, и девушке все никак не удавалось окончательно обезоружить бандита: все время мешались своими бестолковыми атаками двое остальных.

— Крюк поверни другой стороной, — посоветовала она негру в перерыве между атаками. — Так не очень эффективно: когда наносишь удар, приходится судорожно выворачивать острием вперед. Неразумно и неудобно.

— Заткнись, стерва! — прохрипел длинноволосый.

Самым подготовленным воином был, пожалуй, лысый бородач с клевцом. Он двигался очень четко и правильно, на бойцовских реф-

лексах. Если бы он бросил свой дурацкий кле-
вец-альпеншток, предназначенный для того,
чтобы вгонять в панику мирных обывателей
Беовульфа при ограблении, и стал махать го-
лыми руками, у него еще были бы против де-
вушки какие-то шансы.

Сейчас же ему приходилось тратить слиш-
ком много усилий, чтобы справиться с солид-
ной инерцией своего массивного оружия. Но
он слишком держался за него, ошибочно пола-
гая, что оно дает ему преимущество в поединке.

— С бородой поосторожнее, не запутайся ею
в своем металлоломе, — равнодушно предупре-
дила девушка. — А то половину волос придется
выстричь.

— Ах ты, потаскуха!!! — до глубины души
возмутился лысый. Он вообще-то выполнял
свою обычную каждодневную работу, а тут
какая-то пигалица вздумала путаться под но-
гами и мешать честному налогоплательщику.
Обидно, да?!

Вообще все трое грабителей больше полага-
лись на свои страхолюдные железяки, чем на
бойцовские умения. Это вполне объяснимо для
новичков, какими они наверняка и являлись, но
большая ошибка для людей опытных, которые
обычно используют холодное оружие как про-
должение своей руки и не очень переживают,
когда рука оказывается слишком коротка, если
с боевыми умениями все в порядке. В противно-